

Что будет происходить в Горловке, в Славянске, во всем Донбассе через неделю, через месяц, через полгода? Война там будет или мир? Приемлемая, хотя и сложная жизнь или продолжение кошмара? Будут ли дети учиться в школах, будут ли врачи лечить больных, а шахтеры добывать уголь? Получат ли люди еду, воду, свет, тепло? А храмы, в которых служат сегодня Владыка Митрофан и священники Горловской епархии, - будут ли они стоять или рухнут под снарядами и сгорят?

Мы этого не знаем, да и вряд ли кто-то сейчас предугадает судьбу Донбасса. Зато мы уже сейчас знаем другое. Мы знаем, что есть такие архипастыри, как Владыка Митрофан, и есть настоящие, не бросающие паству в беде пастыри. Знаем, что сегодняшние православные христиане способны собраться на Литургию, невзирая на риск попадания снаряда в наполненный людьми храм. Убеждаемся, что война не может отнять у людей радости соединения со Христом в Святом Причащении; что она не погасит Фаворского света и не отменит Рождества Богородицы.

Чем бы ни обернулась, чем бы ни продолжилась эта новейшая история, мы будем знать, что среди огня, крови и ненависти Горловская и Славянская епархия Украинской Православной Церкви Московского Патриархата стояла за Христа, и стояла за Него действительно насмерть, это не пафос, это истина, пишет журнал ["Православие и современность"](#),

журналисты которого пообщался с Архиепископом Горловским и Славянским Митрофаном.

- Достаточно зайти на сайт Горловской и Славянской епархии, чтобы убедиться: церковная жизнь, духовная жизнь на окормляемой Вами территории продолжается, невзирая на войну. Все идет своим чередом! А здесь, в мирных пока еще, невоюющих краях многие этому удивляются: "Надо же, они еще и служат! У них еще и праздник! Им еще и проповеди батюшки говорят!". Просим Вас ответить удивляющимся, сказать: это естественно - продолжать совершать Литургию среди взрывов и рушащихся домов - или это сверхъестественно, удивительно? Почему Вы не сворачиваете своей архипастырской деятельности в условиях войны, а, скорее, напротив, усиливаете ее?

- Прежде всего, отвечая на любой вопрос, я буду высказывать только свое личное мнение, то, как я думаю. Я не претендую на то, что это мнение Церкви или общецерковная позиция. Можно дать парадное интервью, а можно поделиться мыслями. Вот я делюсь мыслями. Если я что-то скажу не так, пусть прощают заранее.

Сайт Горловской и Славянской епархии - это в первую очередь информационный ресурс, это некоторая летопись епархиальной жизни. В мирное время это строительство и освящение храмов, события, конференции. В то время, в которое мы сегодня живем, к

сожалению, это еще и свидетельство о тех трагедиях, которые происходят на территории епархии. Информация подается без оценки, для того чтобы каждый мог сам увидеть и понять, что происходит на самом деле.

Что касается служения Божественной литургии в таких обстоятельствах - я бы не стал об этом говорить в категориях подвига или чего-то сверхъестественного. Есть такие простые понятия, которые вообще никто не отменял. Есть присяга, которую священник дает перед рукоположением в священный сан. Есть обычное понятие долга. Это долг, обязанность священнослужителя - совершать Литургию и в хорошие времена, и особенно, наверно, во времена трудные. Потому что в трудные времена, как никогда, люди во время служения Литургии черпают для себя силы, необходимые для того, чтобы переносить эти трудности. Но говорить об этом как о каком-то подвиге, наверно, чрезмерно. Потому что в первую очередь это наша обязанность как священнослужителей - совершать богослужение, окормлять паству. И если нам приходится это делать в таких вот необычных условиях... это зависит не от нас, это зависит от времени, в котором мы живем. Мы его не выбирали и условия эти самые для себя не придумывали. А исполняя свой долг, считать, что ты при этом делаешь что-то сверхъестественное или особенное, или чувствовать себя при этом каким-то героем - наверно, это будет только мешать.

- Беда всегда проверяет людей: когда-то обнажает то скверное и злое, что было в них до поры скрыто, а когда-то, напротив, раскрывает "душ золотые россыпи". Какой Вы увидели свою паству в эти страшные месяцы, какими - священников? Чего было больше: разочарований, горечи или наоборот?

- Да всякое было. И паству видел всякой, и растерянной, и напуганной, и недоуменной, и плачущей... Целая буря разных эмоций, в основном негативных. И среди людей, и среди священников все это присутствует в равной мере. Конечно, роль священника в этих условиях переоценить трудно. Там, где священнослужитель остался на приходе, со своей паствой, где он помогает людям не унывать, не отчаиваться, помогает им решать самые простые бытовые вопросы, которые в период, когда нет самого необходимого, выходят на первый план - даже раньше, может быть, каких-то вопросов духовных, - там это служит большой поддержкой, помощью для паствы. А там, где священник сбежал с прихода, - там, конечно, это соблазн для людей, это повод для еще большего уныния. Но, к моей большой радости, тех, кто сбежал, меньше, чем тех, кто остался.

Что касается людей... Есть две стороны. Есть люди, которые проявили и мужество, и терпение, и заботу о ближнем. Кто-то побежал помогать в больницы, кто-то начал заботиться о своих соседях, которых раньше, может быть, знал только по имени, а теперь интересуется, есть ли у них самое необходимое. Люди, которые раньше друг друга не знали, сейчас ключи друг другу отдают от своих квартир на всякий случай, чтобы или животных покормить, или зайти проведать, живой там человек или не живой, мало ли что. Люди вместе готовят еду на кострах возле подъезда, вместе кушают, вместе в подвалах и бомбоубежищах переживают бомбардировки, которые иногда длятся не один час, а целыми сутками. И все это делает людей ближе друг к другу. Но естественно, что такие вот экстремальные условия становятся для людей испытанием. Проявляются и хорошие качества, и плохие. Что-то, наверно, похожее происходит с нами в дни Великого поста. Когда мы начинаем усердно поститься, то что-то в нашей жизни проявляется хорошее, но что-то проявляется и плохое, что сидело глубоко внутри нас и в обычные дни не проявлялось. И хорошее, и плохое сегодня становится заметным, поэтому картина разная, я не знаю даже, нужно ли что-то выделять.

- Призвание Церкви в эпоху распри, междоусобицы - не вставать на одну из сторон, а способствовать миру - блаженны миротворцы, говорит Спаситель (Мф. 5, 9). Но насколько это реально - способствовать миру? Что возможно противопоставить ненависти, ожесточению сердец?

- Конечно это так. Когда идет война, тем более такая, как у нас, - непонятная, братоубийственная, когда и с той и с другой стороны находятся члены нашей Церкви - Украинской Православной Церкви Московского Патриархата, - поделить людей на своих и чужих, на первый и второй сорт, как это сделали политики, Церковь не имеет права. Наоборот, Церковь должна чувствовать пастырскую ответственность за всех своих чад, которые находятся на обеих сторонах конфликта.

Насколько я понял, вопрос в том, способна ли сегодня Церковь с помощью слова примирить враждующие стороны, встать между ними, чтобы они перестали совершать кровопролитие, убивать друг друга? Тут, мне кажется, нужно разделить две вещи: одно дело - можем мы это сделать или не можем, а другое дело - должны мы это делать или не должны. Я не уверен, что все, что мы говорим, доходит и до ушей, и до сердец тех, к кому мы обращаемся ежедневно и в посланиях, и в обращениях, и в проповедях, начиная от Предстоятеля, Священного Синода, епархиальных архиереев и заканчивая духовенством на приходах. Но в то же время я уверен, что призывать к миру необходимо. Даже если мы знаем, что, скорее всего, наши слова не принесут никаких результатов. Слова должны показывать ориентир, дорогу, хотя бы ту точку, куда мы можем вернуться и с которой мы сможем опять начать диалог. Ну а самое главное, что может Церковь делать и делает сегодня, - это молиться. Совместная молитва, молитвенная поддержка всех членов Церкви - это то, что ощущается даже на расстоянии и что дает силы. Человек осознает, что он не один в трудных обстоятельствах, есть люди, которые за него молятся, за него переживают, желают ему добра, - это очень много. И конечно, Церковь это обязана делать. И как бы ни был велик соблазн уйти из сегодняшней ситуации, все равно нужно угождать не людям, а Богу. В этом и состоит задача Церкви.

Я очень хорошо понимаю, что нужно сказать для того, чтобы тебе аплодировала та или другая сторона конфликта. Но имеем ли мы право в такое сложное время угождать человеческим эмоциям? Наша задача - следовать за Христом, за Евангелием и свидетельствовать о том, о чем Церковь свидетельствует уже 2000 лет.

- На сайте вашей епархии - слова святителя Игнатия (Брянчанинова) о том, что человек, в сердце которого "живет неприятное расположение" к одному хотя бы человеку, не может любить Бога... Значит, что же - никто нынче Бога не любит?.. Или эта любовь - только до поры до времени, пока не случилось ничего? Как это объяснить - то, что православные христиане воюют друг с другом?

- Легче всего любые обстоятельства понять на личном, собственном примере. Называться христианином и быть христианином по сути - разные вещи, это не требует объяснений. Это всем понятно, это сказано уже тысячу раз. Когда человек начинает к своему званию христианскому относиться серьезно и серьезно пытается что-то исправить в своей собственной жизни - в своих собственных словах, делах, поступках, - он понимает, насколько это непростая задача. Приходится повторять одно и то же по много-много-много раз, хотя вроде бы все нам понятно, все мы знаем. Есть корень зла и греха в нашей человеческой природе, корень, с которым мы самостоятельно, без Бога, справиться не можем.

Другое дело, когда люди христианскую мораль, христианские заповеди используют не

для того, чтобы что-то менять в своей собственной жизни, а для того, чтобы ловить других людей, как бабочек ловят сачком, и говорить: "А вот ты здесь заповедь нарушил!". Исправлять других всегда легко, и мы все без исключения любим этим заниматься: указывать на то, что сделали не так, что сказали не так другие люди. А попробуй исправить что-нибудь в самом себе. Если бы люди исправляли самих себя в первую очередь, то, конечно, никаких бы войн не было. А так как люди больше всего любят исправлять других и при этом не замечать свои собственные недостатки, то мы имеем то, что мы имеем: люди исправляют друг друга с помощью оружия, с помощью насилия, способами, которые применяются сегодня у нас.

Одно дело - видеть чужие недостатки, другое - свои собственные. Если между двумя людьми есть ссора, распря, то, на мой взгляд, начинать нужно не с ошибок другого человека, а со своих собственных: "Что я сделал не так? В чем я провинился перед этим человеком, в чем я ошибся, в чем я согрешил?". Вот это путь к миру, это путь к взаимному примирению. Если же обвинять во всем только противоположную сторону (а противоположная сторона обязательно найдет в чем обвинить тебя, потому что мы не безгрешны), то конфликт остается неразрешенным и может затянуться, а может перерасти в братоубийство.

- Страшное количество погибших, в том числе и очень молодых людей и детей, - поток человеческого горя. Разрушенные, сгоревшие дома - люди, оставшиеся без крова. Слово Церкви, слово утешения и поддержки - оно действительно, люди его слышат, отзываются на него? Вам удастся поддержать людей духовно, помочь им не забыть о Боге, не извериться и не отчаяться?

- А у людей в этой ситуации больше ничего нет, кроме слова утешения Церкви. Вы себя представьте на месте человека, у которого нет больше ни семьи, ни родных, ни близких, ни дома. Какая буря чувств! Ты примерно представляешь, кто в этом виноват. Ты ничего этому человеку плохого не сделал. Хочется мстить: взять в руки оружие, найти обидчика и воздать ему сполна. И многие так и делают! И в результате с двух сторон умножается количество убитых, умножается, соответственно, и ненависть. А Церковь продолжает говорить то, что она говорила: что нужно примириться, нужно простить друг друга, нужно искать друг в друге что-то хорошее, а не плохое. Мы знаем, что кроме этой временной жизни есть жизнь вечная. И если в вечность перейти с ненавистью, то с этой ненавистью придется существовать всю вечность. И конечно, лучше было бы с нею расстаться еще здесь, во время земной жизни. Церковь нас этому учит и помогает нам это сделать. Я вообще не знаю, как это можно сделать где-нибудь в другом месте, вне Церкви, потому что Церковь - это и молитва, и слово поддержки, участия, и надежда на вечность... Вообще Церковь - это же не человеческий организм. Нам не надо много брать на себя, думать, что мы что-то можем. Мы можем с человеком встать вместе помолиться. А Господь может то, что мы не можем. Когда благодать Божия касается человеческого сердца, людям реально становится легче, и они сами об этом свидетельствуют. А сделать это возможно только через Церковь.

- Вообще, как человек сохраняет веру при таких обстоятельствах? Кто возрастает в ней, а кто ее теряет? Или, может быть, так: кто имел, тот не потеряет, а кто "потерял", тот на самом деле и не имел никогда?

- Если Господь человеку веру дает, если человек ее уже обрел в своей жизни - я не знаю, как ее можно потерять. Я слышал такое выражение: "потерять веру", видел людей, которые высказывали разочарование: мы, дескать, потеряли веру. Но для меня вера -

это то, о чем сказано в Евангелии: купец нашел драгоценную жемчужину, которую искал всю свою жизнь, и от радости, что он ее нашел, продал все, что у него есть, для того чтобы эту жемчужину купить (см.: Мф. 13, 45-46). Может ли он опять эту жемчужину потерять?

Трудности, которые в нашей жизни присутствуют, - это своего рода испытание нашей веры. Именно так к ним и нужно относиться - как к испытанию, для того, чтобы мы веру свою проявляли не только в хороших обстоятельствах, но и в трудных. Я не один раз повторял: мы ведь не выбираем времена, в которые нам жить. И если мы оглянемся на прошедшую историю, в которой есть и мученики, и преподобные, и святители (а история нашего народа вообще очень непростая), то можем ли мы так сказать: "Вот, пусть все трудные времена и останутся там, в прошлом, или достанутся нашим потомкам, в будущем. А мы будем жить только во времена хорошие"? Господь посылает нам и хорошие, и тяжелые времена. Совсем недавно мы жили во времена, когда строились храмы, монастыри, умножалось число верующих, открывались духовные учебные заведения, сотни детей приходили на службу, - но разве это была наша заслуга? Господь дал нам определенное время, чтобы мы могли потрудиться, и чтобы все это было так. А теперь, когда все происходит наоборот, - отказаться от веры, от Бога? Если в наше время у человека еще и веру в Бога забрать, то он вообще останется ни с чем, полетит в пропасть, пропадет.

Вера становится еще сильнее, когда ты понимаешь, что это единственное, на что можно опереться в этой жизни.

- Лично Вы - были готовы к тому, что произошло и происходит в Донбассе? Можно ли вообще говорить о готовности человека - пастыря, архипастыря, христианина - к таким испытаниям? Если да, то что нужно человеку, чтоб оказаться готовым к ним? В чем может заключаться готовность?

- И готов не был, и подумать об этом не мог, и представить себе это было невыносимо. И до сих пор иногда думаю: может, это какой-то сон - то, что происходит? Но глаза видят, что это не сон, что это так и есть на самом деле. Хотя когда все это только начиналось, и в ноябре, и в феврале были мысли, что если это не остановится в Киеве, то продолжится здесь. Что, к сожалению, и наблюдаем мы сегодня. Но никаких предчувствий и ощущений, что в наш край придет война, не было.

- Мы все живые люди, мы все немощны и подвержены страху. Страху за собственную жизнь, за жизнь и здоровье близких, просто страху завтрашнего дня. Нетрудно догадаться, что жизнь в зоне боевых действий - это многомесячная пытка страхом. Можно ли с ним справиться? Что надлежит ему противопоставить?

- Со страхом за себя вообще все понятно. Мы говорили о том, что наша жизнь в руках Божиих находится, и это надо не только словами декларировать: нужно, произнося слова молитвы Господней "да будет воля Твоя", понимать, что без воли Божией в моей жизни ничего произойти не может. Плюс очень важно: если ты закрылся в своей комнате и без конца думаешь только о том, прилетит снаряд сегодня в твой дом или не прилетит, то можно сойти с ума. А если выйти из дома и посмотреть: может, кто-то нуждается в моей помощи? Может, к кому-то этот снаряд прилетел, и я сейчас могу этому человеку помочь? Вот тут уже бояться некогда.

Надеяться на Бога - это самое первое. Жизнь в руках Божиих. Умереть можно не только во время войны, но и в мирное время, в любых обстоятельствах. Жизнь и смерть не от нас

зависят. Мы в этот мир приходим по воле Божией и уйдем тогда, когда Господь благословит.

Что касается наших близких: женщины и дети не должны находиться там, где идут боевые действия. Если есть возможность эвакуировать семью, близких, то нужно это сделать. Тем, кто не смог эвакуироваться - таких людей достаточно много, - нужно помогать, нужно о них заботиться, чтобы они чувствовали, что они не одни, что с ними есть рядом кто-то, кто им поможет. Нужно молиться за этих людей. А сидеть у себя в комнате и переживать - это не выход из положения.

- Вы говорили уже в одном из своих интервью, что меньшинство священников, небольшая часть предпочла покинуть места служения, а большинство осталось. Понятно, что осуждать мы не должны, но все же - каково Ваше отношение к уехавшим? Как Вы их встретите, если вернутся?

- Сложный вопрос. На сегодняшний день тех, которые уже ушли, - 19 человек. Для нашей епархии это большое число. И есть определенное количество священнослужителей, которые, так сказать, уже на лыжах. Я и об этом тоже знаю. Часть священнослужителей бросили приходы без предупреждения: просто оставили и уехали. Самое интересное, что они уехали в тот период, когда никаких боевых действий на этой территории не было. Боевые действия были за сотни километров от приходов, с которых эти священнослужители уехали. На мой взгляд, это дисциплинарный проступок - самовольное оставление прихода. И это влечет за собой указ о запрещении в священнослужении. Я не жду обратно таких священнослужителей. Я не знаю, что они будут здесь делать. Дело не во мне: как они будут смотреть в глаза людям, которых они бросили?

Есть священнослужители, которые уехали непосредственно из зоны боевых действий. Здесь разные аргументы: кто-то ссылался на свою семью, на заботу о своих детях... У меня нет однозначного ответа: правильно они сделали или нет. Наверно, понять их я могу, но принять этот поступок - нет. Объясню почему. Потому что служение священника - это не работа по найму, с восьми до пяти, с отпусками или социальными гарантиями. Я понимаю, что все мы люди. Но священник перед рукоположением приносит присягу перед крестом и Евангелием. Мы ведь не можем себе такое представить: чтобы военные жили в военных городках только в мирное время, а когда начинается война, разбегались. Они идут на поле боя и воюют под страхом смерти потому, что они приносили присягу. То же самое и со священником: если ты беспокоишься за свою семью - пожалуйста, вывези семью, вывези детей из зоны боевых действий, а сам вернись к своей пастве.

Как я уже сказал, 19 человек уехали; это десяток приходов, которые остались без настоятеля, без священника, которые сегодня кто-то должен окормлять, то есть на кого-то ложится двойная нагрузка. Кому-то приходится перемещаться по той же самой зоне боевых действий и с теми же самыми трудностями... То есть кто-то должен вместо меня это делать, а я поеду спасать свою семью. Понять могу: семья дороже, чем Церковь, оказалась. Принять не могу: где сокровище ваше, там и сердце ваше (Лк. 12, 34).

Те, которые самовольно оставили приходы, запрещены в служении, те, которые объяснились, отпущены с соответствующим указом без всяких претензий, но горечь от их проступков все равно осталась.

Есть два случая (я не буду называть имена), к которым я отнесся с полным пониманием.

Я очень сожалею, что эти священники вынуждены были уехать, но они действительно были вынуждены. И тут точка, и никаких больше объяснений.

Есть еще и такой момент: проблема со второй половиной - с супругой, со спутницей жизни. Бывает, что батюшка готов остаться, но матушка выдвигает перед ним определенные требования: горячая вода, санузел, возможность культурно отдохнуть в свободное от богослужения время. Если такой возможности нет, то она, естественно, ставит супругу ультиматум: или я и семья, или твой приход. И он не знает, как ему поступить. Поэтому я бы будущим священникам советовал очень внимательно подходить к выбору супруги, ведь можно оказаться в такой ситуации, когда она поставит тебя перед выбором: или служишь, остаешься в Церкви, или я от тебя уйду. Такие случаи у нас тоже есть.

И, как бы там ни было, уход священника с прихода, особенно в такое трудное, непростое время, - это соблазн для паствы. Нужно думать о тех людях, которые остаются. Когда батюшка на приходе, для людей это очень важно. Когда священника на приходе нет, люди приезжают и говорят: "Мы хотим помолиться, а у нас нет священника. Дайте его нам". А кого мне дать, если те, которые остались, не могут бросить свои приходы? А чтобы туда, откуда священник уехал, добраться, нужно подвергать себя опасности.

Но мы как-то выходим из этого положения. Оставшиеся священники не бросают ни приходы, ни паству. Они ездят туда, где священников нет. Достойных священнослужителей - большинство, и они верны присяге, не боятся ничего и за людей душу свою полагают. Но есть и печальные случаи.

К сожалению, в результате боевых действий мы стали регионом с непонятным будущим. У людей возникают вопросы: как дальше здесь жить после того, как война закончится? Разрушены дороги, мосты, инфраструктура, здания, школы - что делать с детьми? Это вопросы очень непростые. Конечно, раньше в этом регионе служить было престижно. А сегодня - совсем не то. Ну, наверно, всегда так не будет, поэтому нужно потерпеть. И слава Богу, что большинство священников все-таки остаются на месте, несмотря ни на какие трудности.

- Большинство беженцев (мы здесь, в Саратове, общаясь с ними, это заметили) не хотят возвращаться домой - в принципе не хотят, даже если будет надежный мир. "А что там делать, там все разбито, нас там никто не ждет" - вот их обычный ответ... Вас такая позиция огорчает? Ведь как бы ни было, чем бы ни обернулась большая политика - кто отстроит и приведет в нормальное состояние эту землю, если не тот, кто родился и вырос на ней, кто ее любит?

- После Великой Отечественной войны, после разрухи, которую здесь оставили немцы, Донбасс восстанавливал весь Советский Союз, а не только жители Донецкой области. И благодаря этому мы сегодня Донбасс знаем таким, каким мы его знаем. Безусловно, для того, чтобы восстановить все, что сегодня разрушено, трудов только одних жителей области, тех, кто здесь остался, будет недостаточно. Нужно будет искать какую-то постороннюю помощь, привлекать каких-то людей. Наверное, этим должна заниматься и Церковь. Поскольку я сам остаюсь жить в этом регионе и никуда не собираюсь отсюда уезжать - я бы, конечно, хотел, чтобы все, кто отсюда уехал, вернулись. Но решать должен сам человек. Я не могу здесь каким-либо образом влиять на людей, давить на них. Я просто знаю, что без помощи со стороны Донбасс не справится с той разрухой, которая сегодня здесь есть.

"Горловский Медиа Портал"